Роман Люм
Белая дорога

Роман Люм

Белая дорога

«Автор»
2026

Люм Р.

Белая дорога / Р. Люм — «Автор», 2026

Новгород, 1492 год. Обоз с хлебом не пришёл из Заволочья. Цены растут, посадник требует чрезвычайной власти на три года, а на вече уже готовы назвать виновного — брата Ксении Марковой, дочери пропавшего картографа.Ксения знает: дорога на карте подделана. Отец оставил отметку — «к белой воде — не по прямой». Если она докажет это до вече, город получит хлеб и потеряет повод отдать власть одному человеку. Если не докажет — брата объявят изменником, а Новгород забудет, что когда-то решал сам.Альтернативная история о хлебе, картах и праве говорить за других. Для тех, кто любит «Игру престолов» без драконов и «Тень горы» — но с зимней дорогой вместо дворцов.

© Люм Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Белая дорога 5
Пролог. Шелонь 6
Глава первая. Цена ржи 7
Глава вторая. Слова на пергаменте 9
Глава третья. Вече 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Роман Люм
Белая дорога

Белая дорога

Роман альтернативной истории

Пролог. Шелонь

В тот год, когда московское войско подошло к Шелони, вода поднялась не по сезону.

Новгородцы ждали сухого брода. Им обещали его старые мерки, память лодочников и карта, составленная ещё при посаднике Захарии. Но за ночь река разлилась, скрыла отмели и разорвала тонкий лёд. Московские кони вошли в воду по грудь, а затем стали вязнуть в глине. Из-за тумана они не видели, что берег уже занят.

Первую стрелу выпустила женщина.

Не воевода и не посадник — вдова плотника из деревни у переправы. Она знала, где река делает под водой второй поворот. За ней ударили новгородские лучники, потом с холма спустились всадники. К вечеру московский полк отступил, оставив на берегу знамёна и павших.

Москве не удалось взять Новгород.

В Коростыне заключили мир: Новгородская земля сохраняла вече, выборных посадников и право судить своих людей. Москва получала пошлину с дальних торговых дорог и обещание не помогать литовцам. Мир был непрочным, как наст над речной полыньёй. Но тридцать лет он держал обе стороны от войны.

На тридцать первом году мир снова начал трещать.

Не от меча. От голода.

Глава первая. Цена ржи

В начале февраля 1492 года в Новгороде пахло дымом, мокрой шерстью и хлебом, которого не хватало.

Ксения Маркова стояла у прилавка на Ярославовом дворище и смотрела, как торговец отрезает от каравая ломоть тоньше ладони. Женщина перед ней протянула две серебряные деньги. Торговец покачал головой.

— За эти две ты вчера брала полкаравая, — сказала женщина.

— Вчера было вчера.

— А завтра что будет?

— Завтра я, может, вообще лавку закрою.

Люди за спиной женщины загудели. Никто не кричал. В голодном городе крик берегли для худших дней.

Ксения купила ржаную лепёшку и спрятала под плащ. Она была дочерью покойного картографа Матвея Маркова, и люди до сих пор узнавали её не по лицу, а по его ремеслу: «та, что умеет читать землю». Отца не было три года. Он ушёл на север с обозом и не вернулся. Ни тела, ни могилы. Только его стол, ножи, циркуль и кожаный тубус, который Ксения никому не позволяла трогать.

Из-за амбаров показался гонец. Он спешился у крыльца приказной избы и передал свёрнутую грамоту. Люди на площади следили за ним, как за дымом над чужой крышей.

Весть была короткой: хлебный обоз из Заволочья не пришёл. Последний раз его видели у озера Ильмень, когда обоз поворачивал к Старой Руссе. Дальше след терялся. В обозе шли двадцать семь саней, охрана и запас зерна на месяц для города.

— Купцы придержали, — сказал кто-то.

— Москвичи перехватили.

— Наши воеводы продали.

— Обоз ещё придёт, — ответил старик, но никто не спросил его, откуда он знает.

Ксения пошла к Софийской стороне. У ворот её догнал посадничий служитель.

— Маркова. Тебя ждут в приказной.

— Кто?

— Посадник Твердислав. И люди из торговой палаты.

В приказной пахло воском и сырой древесиной. На столе лежала карта северного пути, раскрытая и придавленная по краям железными грузиками. Ксения узнала руку отца — широкие буквы, короткая отметка у переправы, знак сосны над родником. Но линия пути шла не там, где должна была.

Посадник Лука Твердиславич стоял у окна. Широкий, в меховой шапке, он говорил мягко, как человек, привыкший, что собеседник сам доходит до нужной мысли.

— Твой отец составил эту карту, — сказал он.

— Составил исходную. Эту я не видела.

— В ней есть его знаки.

— Есть. Но дорога проведена неверно.

Торговец в тёмном кафтане фыркнул.

— Ты с одного взгляда различаешь верную дорогу от неверной?

— Если дорога проходит по озеру, которого там нет, различаю.

Твердислав повернул карту к ней.

— Обоз направили этим путём. Если линия ошибочна, значит, обозники свернули не туда. Если свернули не туда, могли угодить в руки московских людей. Нам нужно знать, кто изменил карту.

— Спросите того, кто её перерисовал.

— Перерисовал её твой отец.

Ксения взглянула на подпись. Почерк был похож, но слишком ровный. Отец никогда не выводил буквы с одинаковым наклоном: он писал так, будто рука всё время проверяла, не качается ли земля.

— Подпись подделана, — сказала она.

В приказной стало тихо.

— Докажи, — произнёс посадник.

— Дайте мне оригинал и сутки.

— У тебя нет суток. Завтра вече. Там решат, кто виноват и кому дать власть над запасами.

— Тогда вам нужна не моя уверенность. Вам нужен виновный.

Твердислав не стал отрицать.

— Мне нужен город, который переживёт зиму.

Глава вторая. Слова на пергаменте

Оригинал лежал в тубусе отца — на нижней полке, под свёрнутыми планами пристаней. Ксения принесла его в мастерскую и разложила на столе. Отец отмечал глубину брода не числом, а тремя короткими чертами; число мог переписать любой, черты подделать было труднее. На спорной карте три черты стояли у протоки, где зимой вода не замерзала из-за подземного ключа.

Обоз должен был идти севернее.

Ксения взяла лист на просвет. Чернила в линии дороги были свежее остальных. Под ними виднелась царапина, словно прежний путь соскоблили ножом. На полях кто-то вывел: **к белой воде — не по прямой**.

Она прочла фразу вслух.

Из-за двери ответил голос:

— Так отец говорил, когда хотел, чтобы я не заблудился.

На пороге стоял Ефим, младший брат Ксении. Он был на два года моложе, но уже носил воинский пояс и короткий меч. Левое плечо он держал неловко — старая рана после драки на Торгу.

— Ты был в обозе? — спросила она.

— Нет. Я был в городе. А старший брат, как всегда, где-то между сном и бедой.

Старший брат, Степан, вёл обоз. Последняя весть от него пришла десять дней назад: «Лёд крепок. Идём по старой дороге». После этого ни слова.

— Ты слышал что-нибудь о нём? — спросила Ксения.

— Нет. Но посадник уже готовит обвинение. Завтра на вече скажет, что Степан продал зерно. Потом предложит выбрать воеводу на три года, чтобы тот мог карать изменников без долгого суда.

— Кто поддержит?

— Купцы, которым надоело ждать. Воеводы, которым обещали жалованье. И всякий, кто голоден настолько, что готов отдать свободу за мешок ржи.

Ксения снова посмотрела на карту.

— Я поеду за обозом.

— Нет.

— Ты не можешь запретить.

— Я могу сказать, что дорога опасна. Озеро уже взялось, но под снегом полыньи. Лошади провалятся.

— Если обоз не найдут, Степана объявят изменником. Если найдут, зерно вернут. В обоих случаях надо ехать.

Ефим провёл пальцем по линии на карте.

— Ты не знаешь, куда он пошёл.

— Знаю, куда он не пошёл. Здесь ложный след. Отец оставил отметку о белой воде — там есть старый путь через лесную протоку. Только зимой его не используют.

— Почему?

— Потому что сначала кажется, будто идёшь по озеру. А потом понимаешь, что под снегом течёт река.

— Очень утешительно.

— Возьми лёгкие сани, не бери лишних людей, не доверяй следам у берега. И не говори, будто я тебя отпустила.

Ефим усмехнулся, но улыбка не продержалась долго.

— Если найдёшь Степана, скажи ему, что я не верю в его измену.

— Скажи сам.
— Я и собираюсь.

Глава третья. Вече

На вече собрались у колокола. Снег падал редкими хлопьями и таял на людских плечах. На площади теснились купцы, ремесленники, посадские и дружинники. Каждый говорил о хлебе, но спорил о власти.

Посадник Твердислав поднялся на помост.

— Обоз не пришёл. Хлебные цены растут. Московский князь прислал посла с предложением: зерно в обмен на признание его старшинства и право держать свой суд в Новгороде. Мы можем принять помощь и сохранить людей. Или отказаться и голодать ради слова «вольность».

На площади поднялся ропот.

— Где посол? — крикнул кто-то.

— В гостевом дворе, — ответил посадник. — Он ждёт решения веча.

— Сначала скажи, где обоз! — крикнул Ефим.

Твердислав посмотрел на него.

— Твой брат вёл обоз. У тебя есть ответ?

— Нет. Но у меня есть карта, которую подделали.

Ксения подняла пергамент. Толпа зашумела. Женщине не следовало кричать с веча, но её уже видели. Она не стала просить разрешения.

— Этот путь нарисован поверх старого, — сказала она. — Обоз направили к протоке, которая зимой не замерзает. Если сани пошли туда, их следов уже нет. Не потому, что зерно забрали, а потому, что вода унесла их под лёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.